

Джучи в Дашт-и Кыпчаке

Джучи, первенец Чингиз-хана, умер раньше отца и прожил не самую долгую жизнь, но в ней было много тайн и не ясных обстоятельств с момента рождения и до самой смерти. Поскольку биографии Джучи посвящено обстоятельное монографическое исследование казахского монголоведа Зардыхана Кинаятулы [Кинаятулы 2004], здесь будет обращено внимание только на сюжеты из его биографии, связанные с историей Восточного Дашт-и Кыпчака.

Если принять предположение, что Джучи родился в 1179 г.²⁵, то на момент смерти ему было сорок шесть лет. Джучи – уже сформировавшийся военный стратег и полководец, имевший к началу хорезмийского похода большой опыт военачальника, за плечами которого были далекие и победоносные походы в соседние регионы. Мусульманские авторы характеризуют его как «чрезвычайного храброго, отважного, мужественного и воинственного человека» [Джузджани 1941, с. 13]. Вместе с тем, они склонны приписывать Джучи качества и поступки, определенно ему не присущие. Вспыльчивым человеком с трудным характером предстает он со страниц более позднего (XVII в.) монгольского сочинения «Алтан тобчи» Лубсан Данзана [Лубсан Данзан 1973, с. 231–233]; будучи в большей степени вольной компиляцией «Тайной истории», в части событий XIII в., «Золотое сказание» наряду с этим содержит в себе более поздние (эпохи автора) вставки, имеющие легендарное, нежели историческое значение [Михайлов 1962, с. 87]. Очевидно, события, связанные с «отделением» Джучи, искажались в угоду идеологизации мудрого и сильного правителя, в лице которого выступает Чингиз-хан²⁶.

Таким образом, присутствие Джучи в Дашт-и Кыпчаке приходится на его зрелый возраст сложившегося политика и полководца. Для определения степени влияния его деятельности на конкретные политические события, протекавшие в регионе, необходимо выяснение времени его нахождения в кыпчакском даште.

Как было отмечено ранее, утверждение власти Джучи в Дашт-и Кыпчаке, а соответственно начало его правления (вернее «наместничества»), находится в тесной связи с военными действиями монгольских войск в Хорезме. Разногласия, возникшие между двумя старшими сыновьями Чингиз-хана, Джучи и Чагатаем, по поводу дальнейшей судьбы столицы государства Хорезмшахов, не способствовали победоносному завершению ее осады. Узнав об этом, Чин-

гиз-хан подчинил все монгольские войска, осаждавшие Ургенч, и самих царевичей своему третьему сыну Угедею [Козин 1941, § 258, с. 187; Рашид ад-дин 1952б, с. 216].

Данное решение Чингиз-хана, ставшее для сыновей приказом, по всей видимости, сыграло важную роль в развитии не только дальнейших отношений отца со своим старшим сыном, но и всех последующих событий, приведших к формальному «отделению» Джучи со своим улусом и уже новым юртом (территорией).

Осада Ургенча закончилась его падением в апреле–мае 1221 г.²⁷, сразу после этого Джучи через степь ушел в свой юрт на берега Иртыша²⁸ [Рашид ад-дин 1952б, с. 219, 257; Рашид ад-дин 1960, с. 78–79, 95]. Согласно Рашид ад-дину, отец с сыном так и не встретились. Имя Джучи не упоминается в дальнейших военных операциях монгольских войск. Чингиз-хан в сопровождении своих сыновей Чагатая, Угедея, Тулуя и полководцев во главе объединенного монгольского войска более года, до осени 1222 г., ведет военные действия на территории современных Хорасана (Восточный Иран), Афганистана и на берегах р. Инд, уничтожая остатки сопротивления отдельных отрядов хорезмийцев [Рашид ад-дин 1960, с. 95, 109]. Джучи во всем этом не участвует, он занимается устройением своего *юрта* и окончательным подчинением своей власти населения Восточного Дашт-и Кыпчака. Начало этого процесса следует отнести к 1221–1222 гг.²⁹ Таким образом, присутствие Джучи в регионе можно определить серединой 1221 – осенью 1225 гг.

Не приходится говорить о каких-то существенных административно-территориальных и политических изменениях на территории Казахстана, отошедшей в ведение Джучи в эти годы, в силу незначительности свидетельств источников, хотя, несомненно, таковые имели место. Можно вполне определенно не согласиться с утверждением А.Ю. Якубовского [Греков, Якубовский 1950, с. 70], что «сам Джучи в судьбах Золотоордынского государства не сыграл фактически никакой роли».

Уже упоминавшийся анонимный автор «Шаджарат ал-атрак» писал, что после завоевания Хорезма, «он (Джучи. – К.У.) занял прочное положение в этой стране на престоле ханства, на троне управления государством» [Шаджарат 1941, с. 264, л. 120б; Shajrat 1838, p. 225].

При определении зоны распространения власти Джучи и границ его *юрта*, как и в любом другом случае, очень трудно дать точную территорию. Средневековые авторы, писавшие десятилетия и даже столетия спустя после смерти Джучи, не донесли до нас этих сведений. Простое перечисление различных регионов, зачастую при

жизни самого Джучи еще не завоеванных, показывает низкий уровень информированности восточных авторов касательно данной проблемы.

Самые ранние сведения о владениях Джучи сообщает персидский историк Джувайни: «Когда во времена правления Чингисхана размеры царства стали огромны, он дал каждому удел для его местопребывания, которое они называют *юрт*... Своему старшему сыну Туши он отдал область, простирающуюся от Кайялыка и Хорезма до крайних пределов Саксина и Булгара и дальше, где только касалось земли копыто татарского коня» [Джувеини 2004, с. 30]. Рашид ад-дин ограничил территорию Джучидского юрта пределами реки Иртыш и гор Алтая, летовками и зимовками тех мест [Рашид ад-дин 1960, с. 78]. Каирский ученый и государственный служащий ан-Нувайри (годы жизни 1279–1333 гг.) в своем сочинении «Нахайе ал-араб фи фанун ал-адаб», определяя территорию Улуса Джучи при жизни его основателя, писал: «По части земель и вод он (Чингизхан. – К.У.) назначил ему (Джучи. – К.У.) летовья и зимовья от границ Киялыка и земель Хорезмских до окраин Саксинских и Булгарских, крайних пределов, куда доходили кони их полчищ при их набегах» [ан-Нувайри 1884, с. 150]. Автор «Шаджарат ал-атрак», ссылаясь на «достоверные (мо'табар) книги истории», которые очевидно послужили источником и для ан-Нувайри, практически в тех же словах писал: «Хорезмский вилайат и Дашт-и Кыпчак от границ Киялыка до крайних [пределов] Саксина, Хазар, Булгар, алан, башкир, русов, черкесов, до тех мест, куда доходили копыта татарской лошади, подчинялись Джучи-хану» [Шаджарат 1941, с. 264, л. 120а-б; Shajrat 1838, р. 225]. Упоминание в этих списках регионов и населения западнее Жайыка (Урала, Яика) является, конечно же, преувеличением, так как до середины 1230-х гг. власть Джучидов не распространялась на правобережье Жайыка [Сафаргалиев 1960, с. 20; ср.: Юдин 1983, с. 124–125; Трепавлов 1993, с. 86, 127, прим. № 105].

Таким образом, при определении территории Джучидского юрта и его улуса исследователям трудно дать точную, конкретную границу. Современные историки Золотой Орды при определении географии этого государства всегда указывали на ее проблематичность. Самый кропотливый исследователь истории Улуса Джучи М.Г. Сафаргалиев писал: «На основании имеющихся материалов XIV века территорию Золотой Орды для этого периода (как и для более раннего. – К.У.) можно определить лишь суммарно» [Сафаргалиев 1960, с. 26]. Другой известный специалист по этой проблеме и предшественник М.Г. Сафаргалиева, востоковед А.Ю. Якубовский

писал: «Трудно установить точные границы Улуса Джучи, особенно по линии обширных степей, составлявших основную часть джучиева юрта» [Греков, Якубовский 1950, с. 60–61; Греков, Якубовский 1998, с. 52]. Не внесло в этот вопрос ясности и специальное исследование В.Л. Егорова «Историческая география Золотой Орды», тем более автор отнес образование Золотой Орды к началу 1243 г. [Егоров 1985, с. 27]. Отсчет истории Джучидского Улуса со времени после возвращения Бату из Западного похода, принятый исследователем, представляется неверным. Здесь речь должна идти о возникновении улуса Бату, а не в целом Золотой Орды (Улуса Джучи). Более обоснованной представляется точка зрения М.Г. Сафаргалиева, указывавшего на тот факт, что «начало западно-монгольскому государству – Джучиеву улусу, или Золотой Орде, было положено еще при жизни самого Чингиз-хана» [Сафаргалиев 1960, с. 19]. Более конкретно, образование Улуса Джучи исследователь связывал с выделением Джучи «лесных народов» в 1207–1208 гг. [Сафаргалиев 1960, с. 19, 28]. В соответствии с этим М.Г. Сафаргалиев определял и хронологию правления Джучи: 1207–1227 гг.³⁰ Однако здесь необходимо учитывать и другой момент, указанный им самим: «По смерти самого Джучи из его владения значительная часть отошла к Угедею, в связи с чем восточная граница Джучиева улуса переместилась к бассейнам реки Иртыша, и большая часть племен и народностей, перечисленных в «Сокровенном сказании» («Тайная история». – К.У.), перешла к потомкам Угедея...» [Сафаргалиев 1960, с. 28–29; см. также: Кызласов 1984, с. 92]. Иными словами, в середине 1220-х гг. происходит перераспределение улусных территорий и, таким образом следует отнести образование Улуса Джучи, в том виде, в каком он стал известен впоследствии, ко времени после хорезмийских событий. В этой связи интересно замечание Абулгази, что после завоевания Дашт-и Кыпчака Джучи «поселился в кыпчакском юрте. Из могольской [страны], – пишет автор «Шаджара-и туркмен», – он переселил сюда свою семью и все *или* (*ел.* – К.У.), которые дал ему отец» [Кононов 1958, с. 44].

По мнению В.В. Трепавлова «формально Улус Джучи был основан в 1224 г.» [Греков, Якубовский 1998, с. 9–10]. Внесенные коррективы в хронологию событий, связанных с деятельностью Джучи, делают все же необходимым изменение и этой формальной даты. С учетом того, что эта дата условна, можно утверждать: Улус Джучи был основан самим Джучи после возвращения из Хорезма в середине – второй половине 1221 года.

Отступление об антропониме. Джучи, первенец³¹ Чингиз-ха-

на и его старшей жены Борте, родился после или во время меркитского плена Борте. Современные исследователи разделились во мнениях об отцовстве Джучи³², но именно с пребыванием Борте в плену, вернее с ее возвращением из этого плена связывается наречение Джучи.

По словам Рашид ад-дина Борте родила своего сына Джочи/Джучи в пути: «ребенка назвали Джочи по той причине, что он неожиданно появился на свет» [Рашид ад-дин 1952а, с. 97–98, 115; Рашид ад-дин 1952б, с. 68–69; Рашид ад-дин 1960, с. 65].

По словам более позднего автора Абу-л-Гази имя Джучи значит гость; «монголы на своем языке гостя, первый раз пришедшего называют словом «джучи». По такому обстоятельству дано этому сыну имя Джучи» [Абуль-Гази 1996, с. 59, 97–98].

В средневековых текстах имя Джучи пишется по-разному, в монгольских его именуют *Джочи* (*Джчи*); в тюркских *Туши* или *Души* с прибавлением титула хан; европейские авторы называют его *Тоссукан*.

Первое наиболее обстоятельное исследование антропонима *Джучи* принадлежит французскому исследователю П.Пеллио [Pelliot 1949, р. 10–28]. Он изучил все формы написания и произношения этого имени в монгольских, китайских, персидских и европейских источниках и справедливо полагал (автор привел этому многочисленные подтверждения из источников), что имя Джучи было широко распространено у монголов XII–XIII вв., но он не пришел в какому-либо определенному заключению относительно его написания и произношения [Pelliot 1949, р. 11]. Он установил, что европейское *Тоссукан* произошло от тюркского произношения имени и состоит из двух слов – искаженного имени *Туши* и титула *хан* [Pelliot 1949, р. 18]. В свою очередь английский востоковед Дж.Э. Бойл полагал, что тюркское произношение *Туши* являлось скорее всего тюркской формой монгольского имени *Джочи* или *Джучи* [Джувейни 2004, с. 542]. Но еще П.Пеллио отмечал, что тюркское произношение *Туши* или *Души* являются собственно тюркскими формами этого монгольского имени [Pelliot 1949, р. 19]. Современный исследователь П.Голден³³, посвятивший специальное исследование имени Джучи: «Туши: тюркское имя Джочи», считает мнение Дж.Э. Бойла ошибочным, поскольку других примеров такого соответствия нет и если бы это произношение действительно было вариантом прямой тюркизации монгольского имени, то имя Джучи звучало бы как *Уоы* (*Йошы*) [Golden 2002, р. 145]. От себя добавлю, что это подтверждается и современным казахским произношением этого имени – *Жошы*, производного от монгольского *Джочи*. П.Голден приводит сведения ан-Насави, Плано Карпини, Джувейни, Джузджани, Бар Эбрея, гру-

зинского анонима «Замт аагмцереги», Ибн Халдуна – во всех этих источниках имя старшего Чингизида передано как *Души/Туши/Тоши* – $\text{Óq}\ddot{\text{I}}\text{I} / \text{Óq}\ddot{\text{E}}\text{E}$ [Golden 2002, p. 145–146]. П.Голден полагает, что тюркское *Туши/Души* является точным переводом монгольского имени, которое указывает на обстоятельства рождения: «неожиданный гость» и представляет собой отглагольную именную форму слова *туш* – встречаться. В качестве глагола это слово означает *стоять лицом к лицу*, т.е. *встречаться* [Golden 2002, p. 148]. В современном казахском языке слово *тұс* – 1) сторона, край (чего-либо); 2) направление; 3) противоположное место; 4) (какое-либо) время, момент, случай; примеры с этим словом: *тұсна тұс* – *друг против друга*; *тұс болу* – *попасться* [Казахско-русский словарь 2002, с. 848].

Таким образом, тюркское слово *Туши*, также как и монгольское *Джучи*, по мнению П.Голдена, означает «встретиться лицом к лицу с кем-либо» и если бы монгольский антропоним означал просто «гость», то в тюркском языке переводился бы как *қонақ*, *қонуқ*, наиболее распространенный перевод слова «гость» [Golden 2002, p. 149].

Следует отметить, что наряду с упомянутым П.Голденом трудом Ибн Халдуна в других арабских сочинениях имя *Джучи* также устойчиво писалось как *Души* – $\text{Óq}\ddot{\text{E}}\text{E}$. Это труды ан-Нувайри, ал-Айни, Ибн Давадари [ан-Нувайри 1884, с. 129 и др.; ал-Айни 1884, с. 477 и др.; ал-Макризи 1884, с. 418; Ибн ад-Давадари 2006, с. 96]. Также пишет это имя Байбарс [Байбарс 1884, с. 83], но в публикации его текста 1987 г. дано написание *Зуси* – $\text{Óm}\ddot{\text{E}}\text{g}$ [Байбарс 2005, с. 109: прим. 72]. В данном случае добавлена одна точка над первым зубчиком и не поставлены три точки над вторым. Следует, очевидно исправить написание *Були* ($\text{Ó}\ddot{\text{I}}\text{I}$) у Ибн Касира на *Дуси/Души* или *Туси/Туши*³⁴ [Ибн Касир 1884, с. 274]. Среди арабских авторов монгольское написание *Джуджи* – $\text{ÓU}\ddot{\text{I}}\text{U}$ мне встретилось у ал-Умари³⁵ [ал-Умари 1884, с. 222].

На написание имени *Джучи* у более поздних персидских авторов (написание ранних ан-Нувайри, Джувайни, Джуджани привел П.Голден) оказывали влияние с одной стороны колоссальная историографическая традиция, отраженная в труде Рашид ад-дина, а с другой устная тюркская традиция. Так, например, если ученик Рашид ад-дина и продолжатель Джувайни Шихаб ад-дин ибн Фазлаллах (Вассаф) привел оба написания *Туши/Джуджи=Джучи* [Вассаф 1941, с. 80 и 86], то еще один младший современник Рашид ад-дина Хам-

даллах Казвини писал *Туши* [Казвини 1941, с. 219]. В последующем написание Рашид ад-дина полностью вытеснило тюркское произношение. Написание *Джуджи=Джучи* используют Абу Бакр ал-Кутби ал-Ахари, автор «Тарих-и шайх-Увайс»; оно господствует в тимуридской (Шами, Натанзи, Али Йазди, аноним «Муизз ал-ансаб» и др.) и шибанидской (Ибн Кухистани) историографии, а также во многих мусульманских сочинениях XVII–XVIII вв. Очевидно, уже в XIV в. прежнее тюркское имя старшего Чингизида (Туши) было забыто, а в XV–XVI вв. восторжествовало исходное монгольское произношение, которое и вошло в поздние тюркские сочинения. Анонимный автор «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме»³⁶ (начало XVI в.) называет его *Йоджи* [Таварих 1969, с. 33, 34, 37–39]. В другом сочинении первой половины XVI в. «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи имя нашего героя пишется также: *Йоджи/Йуджи* [Утемиш-хаджи 1992]. Один раз Утемиш-хаджи написал *Йуджу* – **ЮЮ** в остальных местах использовано написание *Йуджи* – **ЮЮ** [Утемиш-хаджи 1992, л. 37а-б, 38б, 41б, 47б, 50б]. По всей видимости, именно это новое тюркское написание дошло до наших дней в современном казахском языке, претерпев трансформацию: *Йуджи/Йоджи* – *Йожы* – *Йочи* – *Йошы/Жошы*.

В казахской историографии антропониму Джучи также было уделено внимание. По мнению монголоведа Зардыхана Кинаятулы распространенное объяснение имени *Джучи* (монгольское *Зочин*) как о госте, родившемся вне дома (на чужбине) не может быть единственно возможным. В роду боданчаров и прежде детям давали имя *Джучи*, неужели все они были рождены на чужбине? Или все они были «гостями» в роду боданчар? Ставит резонный вопрос автор. Он предположил два варианта объяснения: 1) сыну Темучжина могли дать имя в честь Джучи, сына Хутула-хана; 2) именем *Джучи* нарекали широкогрудых людей-великанов, отсюда и имя *Джучи* может быть истолковано как «широкогрудый», «великан». В монгольском языке железную наковальню кузнецов называют «*доши*», а грудь «*чежи*» [Кинаятулы 2004, с. 40–41].

Год смерти. Составитель «Сборника летописей» оставил пропуск в месте, где должна была стоять дата смерти Джучи, надеясь впоследствии ее дописать [Рашид ад-дин 1960, с. 79 и прим. № 7 на той же стр.]. Впрочем, подобные пробелы в тексте вместо собственных имен, дат и даже целых глав встречаются неоднократно и свидетельствуют лишь о том, что Рашид ад-дин (или его помощники), видимо, надеялся заполнить их после, что, однако, в большинстве случаев, так и не было осуществлено. Зачастую эти лакуны, как правило, присутствующие во всех вариантах рукописи, лишают нас

ценной информации³⁷, тем не менее, в данном конкретном случае сопоставляя различные данные, сообщаемые самим Рашид ад-дином можно обозначить дату смерти Джучи. В частности, Рашид ад-дин в рассказе о походе Чингиз-хана на тангутов в 1226 г. сообщает следующее: «Осенью года такику, который является годом курицы, соответствующего 622 г. х. [1225–1226 гг. н.э.], Чингиз-хан выступил против области Кашин, которую называют Тангут. Он приказал Чагатаю находиться на фланге войска в тылу орд; Джучи [уже] скончался, а Угедей находился при отце, Тулуй-хан вследствие того, что у Соркуктани-беги появилась оспа, несколько дней оставался позади, а после того присоединился к Чингиз-хану»³⁸ [Рашид ад-дин 1952б, с. 230–231]. Поход на Си Ся начался глубокой осенью 1225 г. [Кычанов 2008, с. 647, 675]. Исходя из этого, можно утверждать, что Джучи скончался до осени 1225 г.

Старший современник Рашид ад-дина, известный чагатаидский историк Джамал ал-Карши (1230/31 – начало XIV в.) в своем сочинении «ал-Мулхакат би-с-сурах» (завершено в начале XIV в.) заполнил, упомянутую у Рашид ад-дина, лауну: «Туши (Джучи. – К.У.) умер раньше своего отца – в 622/1225 году» [ал-Карши 2005, с. 119].

Советский монголист Н.П. Шастина еще в 1957 г. в комментариях к «Истории Монгалов» Плано Карпини датировала смерть Джучи 1224 г. [Путешествия 1993, с. 185, прим. № 68]. Осенью 1225 г. датирована смерть Джучи в работе современного исследователя проблемы Зардыхана Кинаятулы [Кинаятулы 1998, с. 102].

Вместе с тем, историки, базирующиеся в своих исследованиях на поздних мусульманских источниках, называют годом смерти Джучи 1227 г. [Бартольд 1963а, с. 525; Мингулов 1981, с. 80; Кляшторный, Султанов 1992, с. 185; История 1979, с. 126]. При этом в качестве главного доказательства приводятся сведения, большей частью легендарные, анонимного автора «Шаджарат ал-атрак», а это сочинение, по мнению С.Л. Волина, «было составлено, во всяком случае, не ранее середины XV в.» [Сборник 1941, с. 202]. Завершая рассказ о том, как Чингиз-хан получил весть о смерти Джучи, автор «Родословия тюрков» сообщил: «Через 6 месяцев после смерти Джучи Чингиз-хан так же распростился с миром» [Шаджарат 1941, с. 204; Shajrat 1838, p. 224]. Чингиз-хан умер в августе 1227 г., а значит, смерть Джучи по этому источнику приходится на февраль этого же года. В.В. Бартольд считал, что поэтический рассказ автора «Шаджарат ал-атрак» о том, как Чингиз-хану было передано известие о смерти его сына, конечно, не имеет исторического значения [Бартольд 1963а, с. 526], но принял, впрочем, его датировку смерти Джучи без всякой критики. Эта же дата указывается и у некоторых других сред-

невековых авторов. Предшественник автора «Шаджарат ал-атрак» персидский историк Хамдаллах Казвини в своих «Таварих-и гузида», законченных в 1330 г., практически в тех же словах сообщил о времени смерти Джучи [Казвини 1941, с. 91]. Другой персоязычный автор Кази Ахмад Гаффари в «Нусах-и Джахан-ара» (XVI в.) привел следующее: «Умер он (Джучи. – К.У.) в раби¹ I года мыши, 624 г. (= 19 II–20 III 1227) за 6 месяцев до отца» [Гаффари 1941, с. 210].

Ни один из указанных авторов не говорит о своем источнике и преподносит эту дату как общеизвестный исторический факт. Между тем логика событий этих лет (1224–1227 гг.) противоречит подобному утверждению. Насколько известно, только В.В. Бартольд пытался внести в этот вопрос определенную ясность. Он отмечал, что «известие о его (Джучи. – К.У.) смерти было получено Чингиз-ханом уже в Тангуте, куда он выступил, по Рашид ад-дину, осенью 1225 г., по китайской истории – весной 1226 г., после чего уже не возвращался в Монголию» [Бартольд 1963а, с. 526].

Вышеприведенные сведения Рашид ад-дина и Джамала ал-Карши ставят все точки над *i*, и дают вполне ясное представление о том, что в период подготовки последнего тангутского похода (вторая половина 1225 г.) Чингиз-хан знал, что его старшего сына нет в живых³⁹.

Обстоятельства смерти. Трения, возникшие между отцом и сыном, достаточно объективно обрисованные в «Джами ат-таварих» Рашид ад-дина, породили слухи о насильственной смерти Джучи. Ясно отразил это Джузджани в «Табакат-и Насири» сказав, что Джучи был «отравлен и убит доверенными лицами Чингиз-хана» [Джузджани 1941, с. 14–15]. Противник монголов Джузджани был заинтересован в «раздувании» этого слуха, показывая тем самым, что даже сын Чингиз-хана обвинил своего отца в жестокости и сумасшествии. Монгольский «официоз» не конкретизирует события, связанные со смертью старшего Чингизида. Первый летописец монголов и государственный чиновник ильханов Хулагуидского Ирана Джувайни в своей «Истории» сухо констатировал: для Джучи настал «предопределенный судьбою шанс»⁴⁰. Продолжатель его «Истории», лето-

³⁹ 1226 г. датируется смерть Джучи в поздних крымско-татарских документах [Зайцев 2005, с. 54–55].

⁴⁰ «When Tushi, who was the eldest son, had gone to Qulan-Bashi to join Ghingiz-Khan and had returned from thence, *the predestined hour arrived*» [The History 1958, p. 266]. В переводе Е.Е. Харитоновой «пробил назначенный

писец Хулагуидов по прозвищу «Вассаф-и хазрат» (панегирист его величества) своим цветистым и порой непонятным слогом писал о смерти Джучи: «Когда Джучи вернулся от Чингиз-хана, то вскоре (предпринял новый) путь, который был путем против (его) желания, в другой мир, а кроме него (этого пути) нет великой завесы (нет иного пути. – К.У.)» [Вассаф 1941, с. 84]. Более поздние тюркоязычные источники также не вносят определенности. Абулгази почти дословно повторил текст Рашид ад-дина [Histoire 1874, р. 141]. В другом месте он говорит лишь о том, что Джучи умер раньше отца [Histoire 1874, р. 178]. Широкоизвестную легенду о смерти Джучи во время охоты на стадо куланов (варианты: маралов, кийков) отразил в своем сочинении Утемиш-хаджи [Утемиш-хаджи 1992, с. 91, л. 376]. Различные варианты этой легенды, распространенные у многих тюркоязычных народов приведены в работе И.Б. Молдобаева [Молдобаев 1996, с. 139–144; Молдобаев 1997, с. 16–18]⁴¹.

Исходя из всего этого можно отказаться от домыслов Джузджани и предположить, что первенец Чингиз-хана умер своей смертью, его немолодой возраст и постоянные жалобы на болезнь лишь подтверждают это предположение.

²⁵ Эту дату называет монголист Зардыхан Кинаятулы [Кинаятулы 1998, с. 102; Кинаятулы 2004, с. 39]. По мнению А.Г. Юрченко «наиболее вероятной датой рождения Джучи считается 1184 г.» [Христианский мир 2002, с. 251].

²⁶ Подтверждением этому служит то, что указанные события не получили освещения в современной исторической литературе посвященной Чингиз-хану и его ближайшим преемникам. Нет их и в «Тайной истории». Тщательный анализ сочинения Лубсан Данзана дан его исследователем и переводчиком Н.П. Шастиной. Об источниках «Алтан тобчи» обстоятельно говорится в специальной монографии Ш.Бира [Бира 1978, с. 232–234]. Г.И. Михайлов, изучивший расхождения двух памятников, «Тайной истории» и

«Алтан тобчи», пришел к заключению, что «и «Алтан тобчи» и «Сокровенное сказание» восходят к какому-то общему источнику» [Михайлов 1962, с. 88]. Историография вопроса и новейшие разработки содержатся в работе В.Л. Успенского [Успенский 1993, с. 190–200].

²⁷ Об этом см.: [Буниатов 1986, с. 217, прим. № 126; Тоған 2001, с. 146–187].

²⁸ Известный военный историк М.И. Иванов полагает, что в 1221 г., после завоевания Хорезма, Чингиз-хан сам отправил Джучи с частью войск на север от р. Сейхун (Сырдарья) за реки Урал (Жайык) и Волгу, чтобы он ударил с востока по кыпчакам, тогда как отряды Джабе и Субедея должны были сделать это с западной стороны, но «по болезни или по другим причинам, Джучи не выполнил предначертания своего отца» [Иванов 2003, с. 96, 297].

29 Еще в 1872 г. немецкий историк Отто Вольф, автор книги «История монголов или татар», писал, что за Джучи закрепили кыпчакские степи «на великом курултае», а начало его улусу было положено в 1221 г., после того как Джучи занял Дашт-и Кыпчак (приводится по кн.: [Гатин 2009, с. 82]).

30 См. приложение к книге М.Г. Сафаргалиева «Родословие ханов Золотой Орды».

31 Исследователи иногда считают Джучи первым ребенком Чингиз-хана и Борте, но Рашид ад-дин среди их совместных детей первой называет дочь Фуджин-беги [Рашид ад-дин 1952б, с. 70–71; Рашид ад-дин 1960, с. 64], так же известную как Ходжин-беки или Хочин-беки. Об этом также писал Р.П. Храпачевский [Храпачевский 2005, с. 78].

32 Сводку мнений см.: [Почекаев 2006, с. 32–37].

33 Пользуясь случаем, хочу выразить признательность господину П.А. Голдену за предоставленную им копию этой статьи.

34 Первую букву, очевидно следует читать как е – она не соединяется со второй и отсутствует точка внизу, также известное написание арабских букв **p/t** без зубчика посередине иногда в скорописном тексте изображалось полугоризонтально начальным зубчиком сверху, что могло быть пере- писчиком понято как буква $\frac{3}{4}$ Это дает написание Дуси/Души. В издании Футайха (см.: [Ибн Касир 2005, с. 205, прим. 8, 10]) это имя передано как *Туши* – **٧**. Здесь имя может быть прочитано как *Тусу/Туши*.

35 В труде другого арабского автора ал-Макризи по изданию М.М. Зийада (см.: [ал-Макризи 2005, с. 300]) приведено *Джуши* – **٧** – так ал-Мак- ризи соединил в одном слове монгольское и тюркское написание этого имени.

36 Автор этого сочинения остается неизвестен. Р.Г. Мукминова считала, что автор сочинения был близким к Мухаммаду Шайбани-хану человеком, А.А. Семенов приписывал авторство самому Шайбани-хану. В.П. Юдин писал, что «авторство Мухаммада Шайбани-хана убедительно доказыва- ется» и «является бесспорным» (литературу и доводы см.: [Материалы 1969, с. 10–11]). Впоследствии Р.Г. Мукминова писала: «Постоянно занятый ско- лачиванием войск, организацией грабительских набегов и завоевательных походов, обеспечением союзников (которых в зависимости от обстоятельств он постоянно менял), укреплением захваченных крепостей и упрочением своей власти в них, – Мухаммед Шейбани в короткие перерывы между походами и государственными делами вряд ли мог (да и хотел ли?) зани- мать кропотливой работой по переводу трудов, написанных монголь- скими письменами и на персидском языке и делать соответствующие извле- чения из них, что входило, ... в обязанность автора рукописи» [Мукминова 1984, с. 66].

37 Подобные лакуны встречаются и в других местах сочинения.

38 На это сообщение также обратил внимание А.Г. Юрченко [Христианский мир 2002, с. 251]. В своем комментарии он неверно локализовал мавзолей Джучи в «степях северного Казахстана», который на самом деле распо- ложен в современной Карагандинской области на левом берегу р. Кара- кенгир в 45 км к северо-востоку от г. Жезказган (см. новейшую работу по этому вопросу: [Хорош 2009, с. 101–109]).

41 Кыргызский ученый-манасовед, профессор И.Б. Молдобаев (1942–2005 гг.) в устных беседах и в своем выступлении на защите моей кандидатской диссертации говорил о необходимости широкого привлечения сведений устной традиции кочевников. Благодаря любезности И.Б. Молдобаева я смог познакомиться с указанными и другими его работами по рассматриваемому вопросу (о нем см.: [Жапаров, Пиримбаева 2006, с. 187–190]).